Изоляционизм против геополитики: двойственная роль Евразийского союза в системе глобального управления¹

М.В. Братерский

Братерский Максим Владимирович — д.полит.н., профессор факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20; E-mail: mbratersky@hse.ru

В статье сформулирована концепция недавних и продолжающихся усилий по созданию и развитию Евразийского союза, основанного Россией, Белоруссией и Казахстаном в 2011 г. Рассматривая два основных теоретических подхода к этому региональному проекту, мы стремимся определить роль региональной экономической интеграции (также понимаемой как изоляционистская стратегия) и геополитических соображений России, стимулирующих создание и возможное расширение Евразийского союза. Политикоэкономическое обсуждение Евразийского союза выходит за пределы единого таможенного пространства и общего рынка в рамках территории бывшего СССР. В последнее время все чаще оно предполагает создание единой валютной зоны. По всей видимости, прокладываемый «Новый Шелковый путь» будет основой для новой Евразии — одного из глобальных экономических и политических игроков нынешнего столетия. В нашем анализе экономические интересы, преследуемые Россией в евразийском проекте, в сущности, неотделимы от экономических проблем геополитического значения. Мы убеждены, что главной целью российской политики является создание регионального экономического объединения со значительным экономическим суверенитетом и сильным политическим влиянием, т.е. нового центра силы в мировой экономике XXI в. Соответственно, наш анализ также показывает, что хотя российская интеграционная политика в Евразии формулируется не в антиамериканском духе, в случае успеха, скорее всего, значительный сегмент мирового рынка будет выведен из-под экономического господства и политического влияния экономических блоков, руководимых Западом.

Ключевые слова: Евразийский союз, глобальное управление, конкуренция экономических блоков, конкуренция за международный капитал

В декабре 2012 г. государственный секретарь США Хиллари Клинтон, во время встречи с юристами неправительственных организаций в Дублине, высказалась по поводу постсоветских интеграционных планов России. Она охарактеризовала эти планы как «шаги по ресоветизации региона» и подчеркнула, что «мы знаем, какова цель этого, и мы пытаемся найти действенные способы замедлить или предотвратить это»². Нельзя сказать, что слова госсекретаря вызвали сильный международный резонанс, но пресссекретарь президента России Дмитрий Песков отреагировал на них и охарактеризовал слова Х. Клинтон как показывающие «абсолютно неправильное понимание» процессов, происходящих на постсоветском пространстве. Х. Клинтон в своем довольно

 $^{^1}$ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ 14-07-00059 «Политические функции региональных экономических объединений».

² Clinton Calls Eurasian Integration An Effort To ,Re-Sovietize // Radio Free Europe. 2016. May 19. Режим доступа: http://www.rferl.org/content/clinton-calls-eurasian-integration-effort-to-resovietize/24791921.html (дата обращения: 19.05.2016).

Материал поступил в редакцию в феврале 2016 г.

неполиткорректном выступлении отметила, что новый СССР может быть создан под новыми названиями, такими как Таможенный союз или Евразийский союз. Сейчас предпринимаются «шаги по ресоветизации региона»; «называться это будет иначе»; «это будет называться Таможенным союзом, это будет называться Евразийским союзом или что-то в этом роде; но давайте не будем обманываться по этому поводу»³. Пресссекретарь Государственного департамента Виктория Нуланд была поставлена перед необходимостью подтвердить высказывания госсекретаря, но ее ответ ограничился общими фразами, она подчеркнула, что высказывания государственного секретаря не носят публичного характера, так как были сказаны в частной беседе⁴. Тем не менее очевидно, что X. Клинтон сказала то, что она думает, и ведущие политики США воспринимают российские планы на постсоветском пространстве со всей серьезностью. В конце 2015 г. президент Еврокомиссии Жан-Клод Юнкер в письме В.В. Путину признал Евразийский союз как партнера для будущего диалога с ЕС⁵. Тем самым было признано существование нового интеграционного блока в Евразии.

Сегодня американская и европейская политика в постсоветском регионе стоит на перепутье. Будущая администрация Белого дома и политики Брюсселя либо должны продолжать прежнюю политику по отношению к России, при которой региональные интересы России, по сути, практически не принимались во внимание и преследовались различные практические цели по раскалыванию постсоветского пространства на отдельные сегменты, либо признать Евразийский союз как реальность и начать вести с ним переговоры.

В предлагаемой статье предпринята попытка проанализировать цели российской политики в отношении установления интеграционных связей на постсоветском пространстве. При изучении поставленных задач необходимо обратить внимание как на политику интеграции, так и на региональный подход в политике. Вторая цель данной статьи — соотнести политические цели России в регионе с внешнеполитическими интересами США и ЕС и определить степень, в которой цели политики России и Запада на постсоветском пространстве не расходятся и не противоречат друг другу. Мы воздерживаемся от обсуждения китайского фактора в евразийской стратегии, как России и Евразийского союза, так и Соединенных Штатов Америки и ЕС.

Нашей целью является представить аргументацию в виде следующих выводов:

- 1) Наряду с решением ограниченных экономических задач российская интеграционная политика направлена на решение экономических проблем геополитического значения. Главной целью российской политики является создание регионального объединения со значительным экономическим суверенитетом и сильным политическим влиянием, т.е. нового центра силы в мировой экономике.
- 2) Российская интеграционная политика в Евразии формулируется не в антиамериканском духе, но в случае успеха впоследствии часть мирового рынка будет выведена из-под экономического господства и политического влияния США. Эта политическая линия затрагивает финансово-экономические интересы США, но не создает угрозы интересам их национальной безопасности. Можно ожидать, что США будут противо-

 $^{^3}$ Постпред РФ при НАТО ответил на слова Клинтон о воссоздании СССР // Актуальные комментарии. 2012. 7 декабря. Режим доступа: http://actualcomment.ru/news/51097/ (дата обращения: 19.05.2016).

⁴ Victoria Nuland, Spokesperson. Daily Press Briefing. Washington, DC. // U.S. Department of State, Diplomacy in Action. 2012. December 11. Режимдоступа: http://www.state.gov/r/pa/prs/dpb/2012/12/201811. httm#RUSSIA (дата обращения: 19.05.2016).

⁵ Письмо Юнкера Путину возмутило Литву // Dni.ru. 2015. 20 ноября. Режим доступа: http://www.dni.ru/polit/2015/11/20/321167.html (дата обращения: 19.05.2016).

действовать интеграционной политике России, но не сделают подобное противодействие своим главным приоритетом. Европейский союз имеет множество стимулов для налаживания открытого диалога с Евразийским союзом, и некоторые формы сотрудничества между двумя союзами являются более вероятными в будущем.

Глобальный контекст евразийской интеграции

Казалось, еще вчера теоретики-международники страстно спорили друг с другом о перспективах исчезновения суверенного государства из мировой политики под давлением расширяющихся глобальных рынков. Сегодня эта иллюзия исчезла: современный мир все больше представляет собой гигантский набор политических и экономических зон, сформировавшихся в Европе, вокруг США, Китая и Индии. В сердце постсоветского пространства также и Россия формирует свое политико-экономическое объединение, которое неминуемо поставит ее в один ряд с гигантами XXI в. Страны СНГ (за исключением Узбекистана и Азербайджана) сформировали между собой зону свободной торговли, Таможенный союз России, Белоруссии и Казахстана уже функционирует, запущен проект Единого экономического пространства. Для продолжения процесса интеграции и вывода ее на новый уровень создан наднациональный орган управления — Евразийская комиссия, активно обсуждаются планы создания качественно нового объединения Евразийского союза и присоединения к нему новых членов. В последнее время все чаще обсуждается не только идея создания общего рынка на территории бывшего СССР, но и создание единого валютного пространства. Сегодня прокладывается «Новый Шелковый путь», который будет основой для новой Евразии — одного из глобальных экономических и политических игроков наступившего века.

Как формулируются цели российской интеграционной политики в Евразии? Пытается ли Россия просто сделать себя и окружающий ее регион более конкурентоспособными и экономически привлекательными на уровне мировой экономики или выбирает совершенно другую тактику?

Являясь крупнейшими экспортерами сырья и энергии, ведущие государства будущего Евразийского союза не стоят перед классической проблемой конкуренции с другими странами за привлечение иностранного капитала: это иностранному капиталу приходится за них конкурировать. В этой ситуации политика России необъяснима классической теорией конкуренции государств [Palan, 2007, р. 47–69] — так зачем же ей нужен этот проект? Как дополнительный щит против возрастающей международной конкуренции? или планируемый Союз будет нацелен на защиту промышленности и услуг стран-участниц? или мотивация к созданию нового Союза лежит в основном в культурной и политической областях?

Экономические и политические выгоды от экономической интеграции: мотивы российской политики

Основные исследовательские подходы к вопросу об эффективности региональных экономических объединений представлены экономической и политической науками (или исследованиями международных отношений). Поскольку предварительным условием является уточнение интересов государств — участников евразийской интеграции, особое внимание следует уделить подходам к оценке выгод от интеграции, так как размер и характер выгод являются основным стимулом к ней.

Обычно, когда обсуждаются цели экономической интеграции, на первый план выдвигаются экономические выгоды, которые государства-участники предполагают получить от этого процесса. Первоначальные исследования экономической эффективности интеграционных схем появились сравнительно давно, в 1950-е годы. Среди классических работ на эту тему следует упомянуть книги и статьи Дж. Винера. Д.Э. Мид, Р. Липси [Viner, 1950; Meade, 1955; Lipsey, 1960], которые показывают, что создание региональных интеграционных структур приводит к формированию более интенсивных торговых потоков между государствами-участниками этих объединений, в сравнении с государствами, не являющимися членами этих объединений, и поэтому способствует быстрому росту их благосостояния. Эти выводы исходят из классических теорем политэкономии выгодности торговли. Далее, акцент сделан на то, что создание регионального экономического объединения расширяет объем внутреннего рынка и дает государствам-участникам большую «рыночную власть», чем та, которой они обладают при самостоятельной деятельности. Это, в свою очередь, позволяет участникам сформировать оптимальный тариф в отношении третьих стран [Krugman, 1993, р. 58-89]. Общее для всех концепций экономической эффективности – признание необходимости создания региональных экономических группировок, развивающееся вокруг идеи, что такие региональные соглашения снижают «потери от трения» во взаимной торговле или взаимных обменах между государствами-участниками и приводят к росту благосостояния. Теория оптимальных валютных зон [Cohen, 1997] (неучтенные потери от изменений валютного курса, валютные риски) также применима при наличии экономических разъяснений по поводу идеи увеличения производства товаров и услуг вследствие экономии от масштаба. Функциональный анализ предполагает, что государства создают различные международные институты (включая региональные) для решения определенных функциональных задач. Согласно этой точке зрения, укрепление региональных торгово-экономических отношений содействует государствам в создании институтов, которые будут продвигать эти отношения на новый уровень и тем самым будут повышать рост благосостояния участников этого процесса [Deutch et аl., 1957]. Имеются также свидетельства, что региональные интеграционные институты в некоторой степени способны компенсировать «сбои рынков» [Axelrod, 1986, р. 246].

Следует отметить, что если экономические выгоды от интеграции для экономики в целом давно признаны и не вызывают принципиальных споров, то ряд других вопросов по-прежнему требует обсуждения. Для политиков, принимающих решения, особенно важны относительные выгоды этого типа интеграции для различных участников (какая страна получит самую большую выгоду, а какая относительно меньшую выгоду), а также то, как в результате распределения экономических выгод пройдет перераспределение власти и влияния среди государств-участников. Также важно учитывать, какие из заинтересованных групп получают наибольшую выгоду в данном государстве, а какие, наоборот, понесут наибольшие убытки. Наконец, последним, но не менее важным остается вопрос, касающийся перераспределения между бизнесом и государством (таможенные пошлины). В этой отдельной сфере практической политики последствия для региональных интеграционных схем могут быть важнее, чем опасения по поводу общей выгоды таких проектов.

На какие объемы экономической выгоды российские политики рассчитывали, когда принимали решение по формированию единого объединения на территории бывшего Советского Союза? На сегодняшний день не существует универсального экономического метода определения экономической выгоды, хотя были проведены некоторые расчеты для российских политиков. Во время предварительного анализа евразийской интеграции были использованы два основных метода оценки эффективности

экономической интеграции, основанные на моделях общего экономического равновесия и эконометрических моделях.

Метод общего равновесия основан на определении и отслеживании изменений равновесных цен товаров и равновесных объемов структуры производства по секторам экономики. В зависимости от изменения этих показателей меняется выигрыш или убытки всех экономических агентов (производителей, потребителей или государства). Но в условиях высокой инфляции, нестабильности и неопределенности рынков общее равновесие сложно рассчитать даже в пределах одной страны, а тем более в пределах всей Евразии.

Эконометрические модели основаны чаще всего на методе частичного равновесия, который ограничивается выборочным расчетом равновесных показателей по блокам. Такие модели рассчитывают, как правило, различные показатели: тарифы, торговый баланс, национальные счета, объем трансграничных инвестиций.

Модель «затраты — выпуск», подготовленная Центром развития НИУ ВШЭ, оценивает экономические выгоды интеграции для России в общем итоге как нулевые или отрицательные, в то время как для малых стран как прибыльные на уровне 1-1,5%. По оценке базовой эконометрической модели интеграция несколько более выгодна для Белоруссии и Казахстана и только в долгосрочном периоде может оказаться выгодной России ^{6} .

Согласно модели Лаборатории прогнозирования макроэкономических и региональных пропорций Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, по доле от объема ВВП выигрыш в 2005—2015 гг. составляет: для России — дополнительно 6,5%, для Белоруссии — 8%, для Казахстана — около 5% [Клоцвог и др., 2009]. Но, как утверждает автор прогноза Ф. Клоцвог, такого эффекта можно будет достичь только при согласованной социальной, макроэкономической и инвестиционной политике, а также введением общей инвестиционной программы на межгосударственном уровне.

Из приведенных ссылок очевидно, что они формируют одну из моделей, приведенных наряду с имеющимися ограничениями, при наличии малых или отсутствии экономических выгод для России, несмотря на некоторые выгоды от интеграции, ожидаемые ее партнерами по Евразийскому союзу. Экономические результаты 2011—2012 гг. в некоторой степени превысили первоначальные прогнозы, хотя на протяжении текущего экономического кризиса сложно судить о степени реалистичности или стабильности роста. Сообщалось, что за январь — сентябрь 2012 г. объем взаимной торговли в Таможенном союзе и Едином экономическом пространстве России, Белоруссии и Казахстана составил 51,3 млрд долл., т.е. рост составил 9,9% по сравнению с показателем января — сентября 2011 г. Объем внешней торговли стран Таможенного союза за январь — сентябрь 2012 г. составил 689,4 млрд долл. США, т.е. увеличился на 5,4% по сравнению с январем — сентябрем 2011 г. Позднее, в 2013—2014 гг., торговля между членами Евразийского союза сократилась в связи с тяжелым экономическим спадом и в 2015 г. сократилась на 26% по сравнению с предыдущим годом8. Перспектива

⁶ Авдеева Д.А., Акиндинова Н.В., Волков М.В., Кондрашов Н.В., Миронов В.В., Осипова О.А., Петроневич М.В., Пухов С.Г., Суменков В.В., Сафарова Г.З. Разработка модели долгосрочного прогнозирования основных макроэкономических показателей стран — участниц ЕЭП (Беларуси, Казахстана) и Украины. Центр развития НИУ ВШЭ. 2012. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2012/08/02/1256605780/Презентация ЕЭС.pdf (дата обращения: 19.05.2016).

⁷ Вишняков А. Кто будет догонять Таможенный союз? // ВРНС. 2012. 23 ноября. Режим доступа: http://www.vrns.ru/analytics/758/#.UMhzxeR1HTo (дата обращения: 19.05.2016).

 $^{^8}$ Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза. 2015. Январь — октябрь // Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: http://www.

будущих экономических выгод от интеграции выглядит позитивной, но неустойчивой в объемах. Согласно оценке Евразийского банка развития, углубляющаяся интеграция России, Казахстана и Белоруссии в рамках ЕЭП за счет развития торговых связей, производственной кооперации и выравнивания уровня технического развития должна привести к 2,5%-му росту суммарного ежегодного ВВП трех стран к 2030 г. в сравнении с положением, если интеграция будет отсутствовать. Кроме того, основываясь на тех же оценках, вступление Украины в ЕЭП могло бы добавить дополнительно 1% к прогнозируемому росту в течение 20 лет9.

Следовательно, экономики участников получат некоторые преимущества в связи с интеграцией, включая Россию, хотя объем достаточно скромный. Итак, можно ли предположить, что Россия начала этот проект, который длится 15 лет и нуждается в постоянном внимании и помощи со стороны российского руководства, только, чтобы прибавить незначительные процентные пункты к своему ВВП в течение 20 лет, в то время как она могла бы достичь подобных или больших результатов более простыми средствами?

Другой задачей проектов экономической интеграции может быть *политическая* интеграция, т.е. создание региональной системы политического управления, которая берет свое начало от организаций экономического сотрудничества. Одна из точек зрения относительно экономической и политической интеграции, которая получила развитие на основе европейского опыта интеграции, подчеркивает, что экономическое сотрудничество развивается наряду с углублением сотрудничества в политике, вплоть до момента объединения политических институтов. Это сближение иллюстрируется экономической моделью интеграции Б. Балашша (В. Balassa) [Nye, 1971].

Существует также аргументированная точка зрения относительно того, что экономическая интеграция стимулируется главным образом политическими интересами, и они нередко становятся препятствием на пути экономической интеграции, даже независимо от очевидных «денежных» выгод. Этот подход не только представляется интересным, но также и хорошо применимым для случая с Россией, поскольку планы региональной экономической интеграции определяются не столько бизнес-сообществом, сколько ведущей политической элитой страны. Вследствие того, что современная внешняя политика России в значительной мере базируется на реалистическом взгляде на мир и с учетом конкурентной среды, основное внимание при ответе на поставленные вопросы необходимо обращать на концепцию зависимости курса на расширение торговли и создание экономических блоков от механизмов коллективной безопасности, относящихся к стране [Gowa, 1993, р. 408–420]. Другими словами, было продемонстрировано, что экономические региональные объединения часто бывают плодами военного и политического сотрудничества и что правительства больше склонны к либерализации своей торговли с политическими союзниками, нежели конкурентами. Это объяснение хорошо соотносится с реалиями взаимодействия между Россией, Казахстаном и Белоруссией, а степень его проявления отражает движущую силу российской интеграционной политики. Главный вклад России в дальнейшую евразийскую интеграцию принял форму обеспечения безопасности, которая стала ценной и желаемой с учетом приближения ИГИЛ к границам Евразийского союза в 2014—2015 гг.

eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Documents/express/Oct2015.pdf (дата обращения: 19.05.2016).

⁹ Комплексная оценка макроэкономического эффекта различных форм глубокого экономического сотрудничества Украины со странами Таможенного союза и Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС // Евразийский банк развития. 2012. Режим доступа: http://www.eabr.org/r/research/analytics/centre/projects/ukraine/ (дата обращения: 19.05.2016).

Но предположение о том, что Россия со всей серьезностью стимулирует экономическую интеграцию на постсоветском пространстве с целью предложить восстановление политического единства под собственным руководством, просто не отражает реальности. Например, история политических отношений России и Белоруссии не оставляет никаких сомнений в том, что Белоруссия не готова хоть немного пожертвовать своим политическим суверенитетом, при этом Россия хорошо осознает позицию постсоветских элит.

Третьим решающим вопросом в анализе роли и функций региональных объединений и истоков российской региональной политики является представление региона в качестве подсистемы, которая создается и контролируется господствующей региональной державой и является ее политическим и экономическим ресурсом в мировой системе. В отличие от мировой системы, региональная система не закрыта, поэтому во время анализа отношений, формирующихся в системе, важно учитывать внешние факторы военно-политического и финансово-экономического характера. Тем не менее центральную роль играет региональный лидер, который обладает как возможностями, так и решимостью добиваться создания региональной системной политической, экономической и финансовой архитектуры.

Региональный политический и военный гегемон осуществляет региональную экономическую интеграционную политику, основываясь на двух решающих стимулах.

Внешняя торговля является источником выгоды с точки зрения экономической эффективности, что может быть использовано для усиления военной и политической мощи государства. По этой причине региональный гегемон мало заинтересован в расширении торговли со своими потенциальными соперниками, и наоборот, существует интерес создания регионального объединения, которое отделит от соперника единым таможенным тарифом. Установление такого тарифа нацелено на распределение выгод от торговли в пользу державы, создающей Таможенный союз. Другим стимулом является то, что экономическая помощь политическим союзникам усиливает как союз в целом, так и его лидера [Мansfield, Milner, 1997].

Закономерно, что похожие механизмы также работают в рамках региональных монетарных интеграционных проектов, т.е. валютных зон. Вместе с географическим расширением зоны, в которой используется валюта, также увеличивается зона политического влияния того государства, которое вводит эту валюту. Остальные государства — участники валютной зоны становятся зависимыми от финансовой стабильности государства-гегемона. Государство-гегемон, в свою очередь, также несвободно, оно ограничено в своей финансовой политике, поскольку в качестве местного центра региональной финансовой системы обязано поддерживать надежность своей валюты и следовать стабильной монетарной политике.

Таким образом, экономические интеграционные проекты дают России возможность достигнуть целей, которые являются не чисто экономическими.

Инициатива создания региональной экономической организации подразумевает создание рынка большого объема, который может стать основой более стабильного комплексного и не подверженного кризисам экономического развития, а следовательно, укрепить суверенитет России и всего региона.

Создание такого рынка может привести к большему использованию местных валют, включая рубль, вместо доллара и евро, а также сузить каналы воздействия экономических шоков на Россию и другие государства-участники. Кроме того, такое развитие позволит расширить спектр финансовых услуг, предоставляемых в рублях, что, в свою очередь, даст возможность создания фондов посредством частичного освобождения от зависимости от иностранных финансовых услуг. Создание единого рынка также могло бы создать лучшие перспективы для отечественных производителей.

На политическом уровне создание регионального экономического блока будет означать дальнейшее укрепление политических связей между государствамиучастниками. Будет создан ежедневный механизм, позволяющий согласовывать финансово-экономические и политические интересы. Зона региональной экономической организации будет менее подвержена внешнему политическому давлению, которое может быть результатом воздействия с помощью экономических инструментов (санкции, кредиты, выдаваемые по политическим мотивам). Будет укреплен новый центр экономической интеграции, что, в свою очередь, усилит его политическое влияние.

В концепции регионального доминирования предусматривается определение политических стимулов «малых» государств региона. При этом для стимулирования к вступлению в региональную экономическую организацию большего государства, легитимируя местные правящие режимы, предоставляя неформальные гарантии военной защиты, наднациональные институты совместные с государством, руководящим интеграцией, предоставляют возможность участия в принятии коллективных решений, ограничивая экспансивные устремления государства, руководящего интеграцией, торгуя частью суверенитета в обмен на реальные экономические выгоды. Интересы России отчасти проявляются в том, что выгоды от экономической интеграции дают возможность государству, руководящему интеграцией, использовать фонды для укрепления собственной экономической мощи, а следовательно, политического и военного превосходства. Государство, руководящее интеграцией, могло бы стать эмитентом региональной валюты, которая расширила бы зону его политического влияния.

Предлагаемый взгляд на истоки российской интеграционной политики предполагает, что Россия начала создавать региональные организации экономической интеграции для укрепления своих глобальных позиций в политико-экономической системе. С помощью такой политики Россия пытается укрепить свое конкурентное положение в глобальной системе в ответ на призыв В.В. Путина: «Ближайшие годы будут переломными не только для России. Нас ждет эпоха потрясений. Ужесточается конкуренция не только за ресурсы, но прежде всего за человеческий капитал. Все будет зависеть от внутренней энергии стран. Привычным стал рост потребления. Это неплохо, но его можно поддерживать только с помощью выхода на новый технологический уклад. Доля глобального пирога для отстающих наций будет существенно меньше, чем для лидеров» 10.

Непосредственные цели России при создании региональной экономической организации заключаются в увеличении доходов ее экономики, стабилизации экономического роста посредством расширения рынков сбыта и стабилизации монетарной системы посредством расширения зоны использования рубля. Отсюда следует наличие других, более специфических выгод от таких проектов. При достижении успеха эта стратегия приведет к стабилизации экономического роста страны, усилит ее положение в мировой валютно-финансовой системе и укрепит ее политический суверенитет, обеспечив большую экономическую независимость. Эти проекты непосредственно не нацелены на восстановление СССР, но способствуют консолидации постсоветского пространства на экономической основе.

 $^{^{10}}$ В.В. Путин. Послание к Федеральному собранию. 2012. 12 декабря. Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/17118 (дата обращения: 19.05.2016).

Западное понимание евразийской интеграции

Американская и европейская политика в отношении постсоветской интеграции только формируется. С одной стороны, у нее есть определенная инерция и основа, состоящая в политике ослабления российского влияния на постсоветском пространстве, раздирании постсоветских государств в разнообразных проектах, блоках и коалициях, формируемых вокруг политических (вроде ГУАМ), газовых (трубопроводы в обход России), военных (базы в Средней Азии), политтехнологических («цветные революции») и подобных им инициатив. Этот подход был инициирован еще с 1990-х годов и с большей или меньшей энергией используется и по сей день. Следует отметить, что череда кризисов, а в случае с Украиной — столкновение двух интеграционных структур — европейской и евразийской, сделала отношения более конфликтными и помешала ведению содержательного диалога между Россией и Западом о будущем евразийской интеграции.

Вместе с тем сегодня в американской и европейской политике растет понимание того факта, что на постсоветском пространстве формируется — или уже сформировался — новый субъект международного права, совершенно похожий на предыдущие образования, объединяющий Россию, Казахстан, Белоруссию, Армению и Киргизию. Новая реальность в настоящее время находит все большее признание, и влиятельные европейские политики выражают готовность начать диалог между ЕС и Евразийским союзом¹¹.

Достаточно скромный аналитический багаж, с которым США и ЕС подошли к этому моменту, не содержит понимания будущей роли Евразийского союза, его места в региональной и мировой политике и экономике, глобальных и региональных институтах. Концепции усиления влияния России в Средней Азии [Buszynski, 2005, р. 546–565] или вытеснения оттуда США [Gleason, 2006, р. 49–60], как утверждали многие американские эксперты [Boh, 2004, р. 485–502], больше не могут использоваться для объяснения текущей ситуации.

Несомненно, новая администрация США будет руководствоваться собственным пониманием американских интересов и собственным видением процедур формирования своей политики на постсоветском пространстве и в отношении грядущих событий на территории бывшего СССР. На данный момент полного понимания этих процессов у США и ЕС пока нет, как нет и понимания того, что же Россия пытается построить на постсоветском пространстве. Западные оценки варьируются в широком диапазоне — от характеристики Евразийского союза заместителем госсекретаря США как «идеи, которая пока не пошла дальше бумаги» 12, до оценки этих проектов как плана воссоздания СССР (Хиллари Клинтон). Обе оценки неточны, что видно из профильных статей В.В. Путина: «Во-первых, речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР. Наивно пытаться реставрировать или копировать то, что уже осталось в прошлом, но тесная интеграция на новой ценностной, политической, экономической основе — это веление времени» 13.

¹¹ Steinmeier. Europäische Friedensordnungsteht auf dem Spiel // Die Welt. 2014. November 16. Режим доступа: http://www.welt.de/politik/deutschland/article134378688/Europaeische-Friedensordnung-steht-auf-dem-Spiel.html (дата обращения: 19.05.2016).

¹² Robert O. Blake, Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs, Washington, D.C.Interview With Al Jazeera TV // U.S. Department of State, Diplomacy in Action. 2012. March 25. Режим доступа: http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/187005.htm (дата обращения: 19.05.2016).

 $^{^{13}}$ Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Известия. 2011. 3 октября. Режим доступа: http://izvestia.ru/news/502761#ixzz2Ep65v8We (дата обращения: 19.05.2016).

Интеллектуальная проблема, однако, заключается в том, что Россия неоднократно разъясняла, *что* она строит, — Таможенный союз, Евразийское экономическое пространство, Евразийский союз, — но никогда ясно не объясняла, зачем она это делает. Еще точнее — давались разъяснения целей России в создании региональных объединений, и частично они представлены в цитируемой выше статье российского президента, но эти объяснения носят полностью произвольный характер и слабо сочетаются с основным реалистическим внешнеполитическим курсом российского руководства. Официально Россией заявляются цели экономического плана (расширить рынок, увеличить товарооборот), но мало кто из политиков и экспертов верит, что российские интересы ограничиваются только этим.

Существенная концептуальная противоречивость и неопределенность очевидна международным наблюдателям. Растет понимание того, что Россия затеяла нечто весьма амбициозное. Однако точные контуры этого проекта пока не совсем понятны, и западные политики не могут определить, насколько российские планы в Евразии противоречат американским и европейским интересам, насколько соответствуют российские интересы китайским, и нужно ли им противодействовать. Для наблюдателей остается размытой конечная цель российской стратегии — в какой степени российская политика ориентируется на борьбу за рынки, прибыль своих компаний и рост своей экономики, а в какой — на создание в Евразии региональных политико-экономических подсистем с центром в Москве, новом региональном центре силы.

Как Запад выстроит свою позицию по отношению к евразийскому проекту России? Консервативный журнал The National Interest предлагает пока подождать и ничего не предпринимать. «Если в итоге дело ограничится расширением торговли России со странами Средней Азии, — рассуждает Джеффри Манкофф, — то ничего плохого в этом нет. Важно, чтобы Москва не начала перехватывать управление внешнеполитическим курсом государств — участников Евразийского союза» [Мапкоff, 2012]. Но Москва, судя по всему, таких планов не имеет. В большей степени планы сфокусированы на создании мощного регионального экономического блока, который организует региональные финансы, торговлю и инвестиции в интересах региональных стран, в первую очередь России, а не в интересах внешних держав.

Признают ли ЕС и Соединенные Штаты эту перспективу, будут ли они ей противодействовать? Вероятнее всего, и признают, и будут противодействовать. Но противодействие не должно принять чрезмерно угрожающий характер, так как российские проекты создают угрозу лишь будущим американским прибылям в достаточно отдаленном и нестабильном уголке мира. В целом, что самое важное, это будет происходить в рамках правил игры, предложенных самими США. К тому же, действия России не создают кому-либо военной угрозы, а, наоборот, могут содействовать стабилизации довольно проблемного региона.

Успех российского проекта будет также означать укрепление позиции России в переговорах по реформе мировой финансовой архитектуры, торговле, климату и другим важнейшим вопросам. Будут ли США и ЕС реагировать на такое усиление российских позиций как нежелательное? Не обязательно. Если российская позиция по глобальным вопросам будет конструктивной, то наличие у нее дополнительных ресурсов и политического веса может даже оказаться полезным в этом процессе, и, в каких-то областях, для США и объединенной Европы.

Литература

Клоцвог Ф.Н., Сухотин А.Б., Чернова Л.С. (2009) Прогнозирование экономического развития России, Беларуси, Казахстана и Украины в рамках единого экономического пространства // Проблемы прогнозирования. № 4. С. 26–36. Режим доступа: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/4/02 (дата обращения: 19.05.2016).

Axelrod R., Keohane R. (1986) Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions // Cooperation under Anarchy / K.F. Oye (ed.). Princeton.

Boh A. (2004) Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order // International Affairs. Vol. 80, No. 3, P. 485–502.

Buszynski L. (2005) Russia's New Role in Central Asia // Asian Survey. Vol. 45. No. 4. P. 546–565.

Cohen B. (1997) The Political Economy of Currency Regions // The Political Economy of Regionalism / D. Mansfield, H. Milner (eds), P. 50–76.

Deutch K.W., Burrell S.A., Kann R.A., Lee M. (1957) Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience. Princeton.

Gleason G. (2006) The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia // Problems of Post-Communism. Vol. 53. No. 2. P. 49–60.

Gowa J., Mansfield E. (1993) Power Politics and International Trade // American Political Science Review. Vol. 87. P. 408–420.

Krugman P. (1993) Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes // New Dimensions in Regional Integration / De J. Melo, A. Panagariya A. (eds). P. 58–89.

Lipsey R. (1960) The Theory of Customs Unions: A General Survey // Economic Journal. Vol. 70. P. 496–513.

Mankoff J. (2012) What a Eurasian Union Means for Washington // The National Interest. April 19. Режим доступа: http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821 (дата обращения: 19.05.2016).

Mansfield D., Milner H. (1997) The Political Economy of Regionalism. N.Y.

Meade J.E. (1955) The Theory of Customs Unions. Amsterdam.

Nye J.S. (1971) Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization. Boston.

Palan R.(2007) Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation scholar-ship // Review of International Studies. Vol. 33. Supplement (Critical International Relations Theory after 25 years). April. P. 47–69.

Viner J. (1950) The Customs Union Issue. N.Y.

Isolationism versus Geopolitics: The Dual Role of the Eurasian Economic Union in Global Governance

M. Bratersky

Maxim Bratersky – Professor in the Department of International Affairs, National Research University Higher School of Economics; 20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation; E-mail: mbratersky@hse.ru

Abstract

This article conceptualizes ongoing efforts to develop the Eurasian Economic Union (EEU), initiated by Russia, Belarus and Kazakhstan in 2011. Engaging with two major theoretical perspectives, it establishes to what extent the EEU's construction and potential expansion is economic regionalism (interpreted also as an isolationist strategy) driven by Russialed geopolitical motives. The political-economy debate of Eurasia goes beyond a common tariff area and a common market within the territory of the former USSR. Increasingly, it involves the establishment of a common monetary area. China's Silk Road Economic Belt is building a foundation for a new Eurasia — one of the global economic and political players of this century. The economic reasons pursued by Russia in its Eurasian initiative are inseparable from economic problems of geopolitical significance. The overarching objective of Russian policy is to establish a regional economic fusion, with significant economic sovereignty and strong political influence; that is, to become the new centre of power in the global economy of the 21st century. Correspondingly, although Russian integration policy in Eurasia has not been formulated in an anti-American way, if it is successful the likely consequence will be the withdrawal of a significant segment of the global market from the economic dominance and political influence of western-led economic blocs.

Key words: Eurasian Economic Union, global governance, Russia, integration

References

Axelrod R., Keohane R. (1986) Achieving Cooperation under Anarchy: Strategies and Institutions. *Cooperation under Anarchy /* K.F. Oye (ed.). Princeton.

Boh A. (2004) Regionalism in Central Asia: New Geopolitics, Old Regional Order. *International Affairs*, vol. 80, no 3, pp. 485–502.

Buszynski L. (2005) Russia's New Role in Central Asia. Asian Survey, vol. 45, no 4, pp. 546-565.

Cohen B. (1997) The Political Economy of Currency Regions. *The Political Economy of Regionalism* / D. Mansfield, H. Milner (eds), pp. 50–76.

Deutch K.W., Burrell S.A., Kann R.A., Lee M. (1957) *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton.

Gleason G. (2006) The Uzbek Expulsion U.S. Forces and in Central Asia. *Problems of Post-Communism*, vol. 53, no 2, pp. 49–60.

Gowa J., Mansfield E. (1993) Power Politics and International Trade. *American Political Science Review*, vol. 87, pp. 408–420.

Klocvog F.N., Suhotin A.B., Chernova L.S. (2009) Prognozirovanie jekonomicheskogo razvitija Rossii, Belarusi, Kazahstana i Ukrainy v ramkah edinogo jekonomicheskogo prostranstva [Prediction of Economic Development of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine in the Common Economic Space]. *Problemy prognozirovanija*, no 4, p. 26–36. Available at: http://www.ecfor.ru/pdf.php?id=2009/4/02 (accessed 19 May 2016) (in Russian).

Krugman P. (1993) Regionalism versus Multilateralism: Analytical Notes. *New Dimensions in Regional Integration /* De Melo J., Panagariya A. (eds), pp. 58–89.

Lipsey R. (1960) The Theory of Customs Unions: A General Survey. *Economic Journal*, vol. 70, pp. 496–513.

Mankoff J. (2012) What a Eurasian Union Means for Washington. *The National Interest*, 19April. Available at: http://nationalinterest.org/commentary/what-eurasian-union-means-washington-6821 (accessed 19 May 2016).

Mansfield D., Milner H. (1997) The Political Economy of Regionalism. N.Y.

Meade J.E. (1955) The Theory of Customs Unions. Amsterdam.

Nye J.S. (1971) Peace in Parts: Integration and Conflict in Regional Organization. Boston.

Palan R. (2007) Transnational Theories of Order and Change: Heterodoxy in International Relation Scholarship. *Review of International Studies*, vol. 33, Supplement (Critical International Relations Theory after 25 years), April, pp. 47–69.

Viner J. (1950) The Customs Union Issue. N.Y.